

Эрнест У. Хорнунг

МИСТЕР ДЖ.РАФФЛС

Раффлс, вор-джентльмен

Эрнест Уильям Хорнунг
Мистер Джастис Раффлс

«1С-Паблишинг»

Хорнунг Э.

Мистер Джастис Раффлс / Э. Хорнунг — «1С-Паблишинг»,
— (Раффлс, вор-джентльмен)

Эрнест Уильям Хорнунг (1866–1921) – английский писатель, автор серии произведений о Раффлсе – взломщике-любителе времён викторианской Англии. Рассказы о нём принесли писателю общенациональную известность. Чем привлекает Раффлс? Он джентльмен, человек с принципами. Он хорош собой и в отличной спортивной форме – чемпион Англии по крикету. При этом он гениальный мошенник, с блеском проворачивающий аферы настолько тонкие и сложные, что у читателя захватывает дух. Раффлс не применяет насилия, не отнимает у жертвы последнего, его противоправные деяния – на грани высокого искусства. Готовя и совершая преступления, он превыше всего ценит красоту их замысла и виртуозность воплощения. «Мистер Дж. Раффлс» – это полноценный роман, который был написан уже после выхода трёх сборников рассказов об этом герое. К Раффлсу обратился его знакомый Тедди Гарланд с просьбой помочь ему решить проблему задолженности ростовщику Леви. Если быть более точным, то Раффлс просто поймал его в своём кабинете за подделкой чека, но тем не менее решил оказать помощь. Ведь невеста Тедди – старая знакомая Раффлса, и ради неё он готов на многое. Как выяснилось, коварный ростовщик планировал разорить далеко не только Тедди. Какую аферу Раффлс и его подручный Банни провернут на сей раз? Об этом вы узнаете из книги.

Содержание

Глава I. Приветственный банкет	5
Глава II. Его близкий друг	10
Глава III. Военный совет	16
Глава IV. «Наш мистер Шейлок»	21
Глава V. На пустом месте	27
Глава VI. Камилла Белсайз	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Э.В. Хорнунг

Мистер Джастис Раффлс

Глава I. Приветственный банкет

Раффлс исчез из города, и даже я не имел понятия о его местонахождении, пока он не телеграфировал мне, назначив встречу на следующий день, в 7:31 вечера, на вокзале Черинг-Кросс. То было во вторник, накануне матча между Кембриджем и Оксфордом, а значит, ровно через две недели после того, как он таинственно пропал. Телеграмма пришла из Карлсбада, и я поразился – ну что за выбор курорта для Раффлса! Разумеется, было только одно обстоятельство, которое могло увлечь обладателя такого физического здоровья в это гиблое место. И вот, к моему ужасу, в назначенный для встречи вечер среды он сошел с поезда, выглядя при этом, как мумия блестящего джентльмена, которого я знал.

– Молчи, мой дорогой Банни, ни слова, пока я не отгрызу кусок британской говядины! – предупредил он тоном вялым, как его запавшие щеки. – Нет, я не собираюсь пока разбирать багаж. Окажи мне эту любезность завтра, Банни, дорогой ты мой.

– Как хочешь, в любое время – сказал я, подавая ему руку. – Но где мы будем обедать? У Кельнера? В Неаполо? В Карлтоне, или в клубе?

Но Раффлс на все только качал головой.

– Я не хочу туда – сказал он. – Но я знаю, чего хочу!

И он повел меня прочь от вокзала, останавливаясь то тут, то там, чтобы полюбоваться закатом над Трафальгарской площадью или вдохнуть смолистый аромат деревянных тротуаров, что был как духи для его обоняния, а беспорядочный стук колес, кажется, звучал для него музыкой, пока мы не остановились перед одним из тех политических представительств, которые позволяют считать себя обычными клубами. К моему удивлению, Раффлс прошел внутрь, как будто весь отделанный мрамором зал принадлежал лично ему, и, не сворачивая, проследовал в гриль-залу, где повара в белейших колпаках заставляли всевозможную снедь шипеть на серебряных решетках. Он не стал спрашивать меня о заказе. Это было решено еще в поезде. И он сам выбрал вырезку, настоял на том, чтобы кинуть взгляд на почки, перемолвился насчет картофельного гарнира и гренок по-уэльски, распорядившись подать их позже. Все это было совершенно нетипично для Раффлса, которого я знал (ведь он вовсе не был привередлив в пище), впрочем, как и вздох, с которым он рухнул на стул напротив меня, скрестив руки на скатерти.

– Не думал, что ты состоишь в таком клубе – заметил я, действительно шокированный этим открытием, но еще и потому, что не хотел сразу приступить к обсуждению его исчезновения.

– Ты многого обо мне не знаешь, Банни – устало произнес он. – Например, ты знал, что я уехал в Карлсбад?

– Ну конечно же, нет.

– Но ты ведь припоминаешь, когда мы в последний раз вместе сидели за столом?

– Ты про тот раз, когда мы поужинали в Савое?

– Прошло всего лишь три недели, Банни.

– А мне показалось, несколько месяцев.

– А мне – будто несколько лет! – воскликнул Раффлс. – Но ты, конечно, помнишь того дикаря за столом по соседству, и его нос, похожий на сельскую водокачку, и его жену в изумрудном ожерелье?

– Кажется, да, – ответил я. – Ты ведь про великого Дэна Леви, известного как мистер Шейлок? Точно, Эй Джей, ты ведь мне про него и рассказывал.

– Правда? Тогда ты, возможно, припомнишь, что Шейлоки как раз на следующий день уехали в Карлсбад. Это было последнее пиршество старика перед ежегодным оздоровлением на водах, и он убедился, что все вокруг будут об этом осведомлены. Ах, Банни, я ведь теперь даже соболезную старому увальню!

– Но что же ты сам там делал, старина?

– Ты еще спрашиваешь? Неужели ты забыл тот момент, когда увидел изумруды под их столом, едва чета ушла из зала, и как я, забывшись, дернулся их поднять, чтобы заполучить лучшее ожерелье со времен нашего знакомства с леди Мелроуз?

Я покачал головой, частью отвечая на его вопрос, но частью и из-за того, что этот чудной случай не давал покоя моей памяти. Однако теперь я был готов к встрече с еще большим чудачеством.

– Ты ведь тогда был абсолютно прав, – продолжил Раффлс, очевидно, вспоминая мои упреки, – то, что я пытался сделать было низко. Я повел себя как бестактный идиот, ведь очевидно, что такое тяжелое ожерелье не могло свалиться без ведома хозяйки.

– То есть ты признаешь, что она уронила его специально? – спросил я с возрастающим интересом, ведь я, кажется, начал понимать, чем закончится история.

– Верно, – произнес Раффлс. – Бедняжка сделала это преднамеренно, когда наклонилась за чем-то; и все это было устроено только для того, чтобы драгоценность подобрали, и сорвалась поездка в Карлсбад, куда ее увальень-муж тащил ради оздоровления.

Я сказал, что всегда ощущал, что мы пошли наперекор судьбе в том казусе с изумрудами, и меня тронуло то, как Раффлс, укоряя себя, легко согласился со мной.

– Но я все понял, как только метнулся за изумрудами, – сказал он, – и услышал, как этот боров костерит ее за пропажу. Он тоже был уверен, что она это нарочно, о чем и сказал ей; он не стеснялся в выражениях; все это обрушилось на ее бедную головку, и в результате я увидел свой порыв в истинном свете, Банни. Мне не нужны были твои укоры, чтобы осознать, какой крысой я оказался. Я понял, что теперь у тебя есть полное право на часть этого ожерелья, и ощутил позыв немедленно доставить его, честь по чести. И отправился в Карлсбад за его временными владельцами так скоро, как позволило мне врожденное благоразумие.

– Восхитительно! – произнес я, в восторге от того, что старина Раффлс определенно был не так плох, как выглядел. – Но не брать меня с собой, Эй Джей – подобной низости я не могу простить.

– Дорогой мой Банни, ты бы этого не вынес, – мрачно заявил Раффлс. – Оздоровительные процедуры прикончили бы тебя; погляди, во что я превратился.

– Только не говори, что прошел через все это! – усмехнулся я.

– Ну разумеется, Банни, прошел, и разыграл все как по нотам.

– Но зачем, во имя всего на свете?

– Ты не знаешь Карлсбада, иначе бы не спрашивал. Весь городок наводнен шпиками и мошенниками. Если бы я нарушил правила, прописанные мне одним из мошенников, я сразу же был бы замечен одним из шпииков, и вылетел бы оттуда немедленно – принятый одновременно и за шпиика, и за мошенника. О Банни, если бы старик Данте был еще жив, я бы советовал ему заглянуть в это целебное болото и переписать свой Ад, поужаснее приукрасив его!

Прибыли наши стейки, дымясь от жара, каждый с кусочком почки и волной жареного картофеля. И божественный перерыв (полагаю, именно таковым он казался моему другу), когда слова Раффлса были обращены только к официанту и касались только прибывающих кружек горчащего напитка, послужил излишним свидетельством, что каждый, кто скажет, что англичане не умеют пить пиво – очевидный лжец. Честно говоря, я и не умею, но в тот вечер достиг невозможного для себя исключительно из чувства симпатии к Раффлсу. И я наконец получил

награду за это: рассказ об ужасных лишениях, который я не посмел бы облечь в слова иные, чем те, что употребил он.

– Нет, Банни, ты бы там не продержался и половины недели; тебе пришлось бы постоянно так выглядеть! – промолвил Раффлс. Полагаю, мое лицо вытянулось (со мной это бывает) от такой клеветы на мою выносливость. – Бодрее, друг мой, вот так-то лучше, – продолжил он, а я и впрямь постарался приободриться. – Но западня была нешуточная. Проведя там неделю, ты не увидишь вокруг и улыбки; чувство юмора – первое, что гибнет на водах. В моем отеле проживал заядлый охотник, спускал вес ради того, чтобы оседлать какую-то особенно чистопородную кобылу – он, несомненно, тот еще бес в своем поместье – но там бедолаге было не до веселья! Он проходил бессчетные мили пешком до завтрака, все утро лежал в грязевых припарках и не нюхал питья целый день, за исключением газированной дряни под названием Гешюблер. Ему позволялось поглощать ее в течение часа после обеда, со свисающим из пасти языком. Мы оба ходили взвешиваться перед закатом, и хотя он казался добряком, пока дрых в своем кресле, я замечал, как он в бешенстве рвал свой листок с записью веса, когда выяснялось, что, нимало не скинув, он еще и набрал пару фунтов. Мы иногда начинали прогулку вместе, но его речь была так сосредоточена на его физических кондициях, что невозможно было вставить ни слова о своих.

– Я убежден, с твоими кондициями все было в порядке, – заверил я Раффлса, но он покачал головой, как будто не был вполне в этом уверен.

– Возможно, поначалу – да, но воды быстро об этом позаботились! Я съезжился, как аккордеон, Банни, и теперь только надеюсь, что развернуться смогу так же быстро. Видишь ли, в обычаи этого проклятого места входит телефонировать доктору, как только прибудет очередной страдалец. Я посоветовался с охотником, и он, конечно же, рекомендовал своего эскулапа, чтобы скрепить наше товарищество. Старый архимошеник склонился надо мной через десять минут, исследуя от скальпа до пяточных мозолей, и вынес бесстыднейший вердикт о моем состоянии. Он утверждал, будто у меня есть печень! Клянусь, до прибытия в Карлсбад у меня ее не было, но теперь даже не знаю, возможно, я притащил ее с собой сюда.

И он с отрешенным лицом опрокинул в себя остатки пива из кружки, прежде чем пикировать на подоспевшие уэльские гренки.

– Они будто золотом сияют, сокровище среди прочей пищи, – заявил бедный старина Раффлс. – Хотел бы я, чтобы мошенник-доктор видел меня сейчас! У него хватило наглости заставить меня самого записать мой диагноз, и он был настолько похож на тот, что был у друга-охотника, что того на целый вечер покинула его благоприобретенная угрюмость. Мы начинали день с оздоровительного питья у одного и того же проклятого немецкого колодца, и прогуливались до вечернего звонка по одной и той же колоннаде в компании одной и той же упитанной шайки. Это вовсе не шутка, Банни... Тут уж не до шуток. Кругом примочки из грязи и подвявшие продукты, а между тем и этим – жидкая отравка без запаха спиртного – вот какова была моя участь. Ты кривишь губы, Банни? Я же говорил тебе, ты бы такого не вынес; но это был единственный способ сорвать Изумрудный Банк. Так я постоянно хранил себя от подозрений. И все эти неудобства не заботили меня, как могли бы озаботить тебя или моего друга-охотника – а он ведь дошел до того, что раз упал в обморок прямо у доктора, надеясь, что в чувство его будут приводить ложечкой бренди. Но бедолага получил всего лишь глоток портвейна.

– Ну и как – удалось тебе сорвать банк?

– Ну конечно же, да, Банни, – произнес Раффлс вполголоса, глянув на меня так, что этот момент я припоминал еще долго. – Но здесь, естественно, нас подслушают официанты, и остальное я изложу тебе позже. Полагаю, ты понимаешь, что заставило меня вернуться так рано?

– Неужели окончание курса лечения?

– До этого не хватило всего трех дней. Мне пришлось выиграть пари с очень высокими ставками у Лорда Великого Мошенника, чтобы прикрыть свое поспешное отступление. Но, кстати говоря, если бы Тедди Гарланд не вырвал победу для «Синих» в последний момент, я бы все еще торчал в Карлсбаде.

Е. М. Гарланд (Итон и Тринити-колледж) был игроком в крикет, защищавший калитку за Кембридж, одним из многих спортивных талантов, кое-чем обязанных Раффлсу. Они сдружились где-то на отдыхе в деревне, потом встретились в городе, где отец юноши владел домом, и там Раффлс гостил очень часто. Боюсь, я относился немного предубежденно и к отцу, отошедшему от дел пивовару, с которым я едва был знаком, и к сыну, которого раз или два видел в Олбани. Хотя я вполне понимал взаимное притяжение, существовавшее между Раффлсом и этим гораздо более молодым человеком; конечно, тот был всего лишь мальчишка, но, как многие из его школы, он казался обладателем не по годам обширных знаний, и имел вместе с тем ту живость молодого очарования и умильность, которых не перевесить ни знанию, ни опыту. Однако у меня возникло определенное подозрение, что парень имел склонность пускаться во все тяжкие, и что именно Раффлс оказался тем, кто мог вмешаться иногда, чтобы обуздать эскапады юности, и превратил его в то, из чего куются настоящие «Синие». По крайней мере, я знал, что никто не мог бы стать более надежным другом или мудрым советчиком нуждающемуся в этом молодому человеку. Наверное, многие из подопечных Раффлса могли бы подтвердить от всего сердца мои слова, но они не знали его с той стороны, с которой знал его я; и если они заявляют, что именно поэтому столько думают о нем, пусть наберутся терпения – тогда однажды они услышат нечто, что заставит их еще больше призадуматься.

– Я не мог оставить бедного Тедди играть за Лордов без поддержки, – пояснил Раффлс. – Видишь ли, Банни, я научил его паре приемов во время тех матчей, что наши провели в прошлом августе. Я по-отечески забочусь об этом ребенке.

– Должно быть, ты ему много добра сделал, – предположил я, – во всех смыслах.

Раффлс поднял глаза от счета и уточнил, что я имею в виду. Я видел, что он недоволен моим замечанием, но не собирался брать слова назад.

– Ну я так понимаю, ты в чем-то наставил его на истинный путь, если уж тебе интересно мое мнение.

– Я его не спрашивал, Банни, в этом-то и дело! – заявил Раффлс. И, пока я без тени какой-либо задней мысли разглядывал его, он щедро вознаграждал официанта.

– В конце концов, – заметил я, пока мы спускались по мраморной лестнице, – ты сам немало рассказал мне об этом пареньке. Однажды, я помню, ты упомянул, что он наделал долгов.

– Да, я именно того и опасался, – просто ответил Раффлс, – и, скажу между нами, я предлагал ему помощь деньгами, пока не уехал. Но Тедди не хотел и слышать об этом, ведь против этого восставал весь его темперамент, а то, как он все это объяснял, было совершенно очаровательно. Так не будем спешить со скоропалительными выводами, Банни, а лучше прогуляемся до Олбани и выпьем.

И мы, получив назад свои пальто и шляпы и выкурив по «Салливану» в большой зале у входа, вышли наружу, причем я чувствовал себя таким же совладельцем клуба, как и Раффлс.

– Это, – сказал я ради смены темы, ощущая себя единым целым со всем миром, – определенно лучшее заведение с грилем во всей Европе.

– Потому мы в него и пошли, Банни.

– Но, должен сказать, я был удивлен, узнав, что ты – завсегдатай заведения, где официанту дают на чай, а шляпе положен номерок!

Однако я не был удивлен, услышав, что Раффлс встал на защиту своего караван-сарая.

– Я бы пошел дальше, – заметил он, – и заставил бы каждого носить табличку со своим именем, как делают в игровом павильоне у Лордов.

- Но портье, конечно, узнает своих сразу?
- Только не он! Туда ведь приходят тысячи.
- Я думаю, это входит в его обязанности.
- А я знаю, что нет.
- Ну тебе полагается, Эй Джей, ведь ты сам из членов клуба.
- Напротив, мой дорогой Банни, я это знаю потому, что не состою в нем!

Глава II. Его близкий друг

Как мы хохотали, когда свернули в Уайтхолл! Я начал понимать, что ошибался в Раффлсе, и это только усилило мое веселье. Конечно, он был тем же старым и веселым мерзавцем, и только пользуясь своей невероятной волей смог довести себя до того, чтоб явиться передо мной такой изможденной мумией на перроне. В свете фонарей Лондона, который он так любил, под звездным небом почти искусственной синевы, он выглядел совсем другим человеком. Раз уж эта перемена случилась благодаря нескольким глоткам горького пива и нескольким унциям говяжьей вырезки, тогда, решил я, я буду другом пивоваров и врагом вегетарианцев до конца дней. Но все же я отметил существенную перемену в настроении моего товарища, особенно когда он снова заговорил Тедди Гарланде, и рассказал, что перед отбытием из Карлсбада послал телеграмму и ему. И я, ощутив постыдный укол, не мог не задуматься, не породило ли знакомство с этим честнейшим парнем у Раффлса угрызений совести насчет его собственных грешков, то есть тех чувств, что я часто пытался вызвать в себе, неизменно терпя неудачу.

Итак, мы добрались до Олбани в меланхолическом, но беззаботном расположении духа, впервые за свою незаконную жизнь не помышляя ни о каком злодействе. И там нас встретил наш добрый друг Бэркло, швейцар – он поприветствовал нас, едва мы вошли во двор.

– Наверху джентльмен пишет вам записку, – сообщил он Раффлсу. – Это мистер Гарланд, я провел его к вам.

– Тедди! – воскликнул Раффлс, и понесся вверх, перескакивая через ступеньки.

С тяжелым сердцем я последовал за ним. Я ощущал не ревность, но скептицизм в отношении их быстро растущей близости. Итак, я поднялся, понимая, что вечер будет для меня испорчен – и, во имя Господа, как же я был прав! До смертного часа я не забуду зрелище, которое ожидало меня в этих, так хорошо знакомых, комнатах. Я вижу эту сцену так же ясно, как картину на стене перед собой – и, честно сказать, картина была еще та.

Раффлс открыл дверь в свои покои так, как только он открывал двери – с непременным мальчишеским желанием пугнуть того, кто находится за ними; и молодой Гарланд очень естественно отскочил от бюро, за которым писал, услышав в резком возгласе позади свое имя. Но это было единственное естественное движение, которое он сделал. Он не подошел, чтобы пожать руку Раффлса, на его свеженьком, загорелом и румянном лице с янтарно-кариими глазами, (оно всегда напоминало мне о Фебе с «Авроры» Гвидо), не появилась приветственная улыбка... Его румянец погас под нашими взглядами, а загар приобрел нездорово-землистый оттенок; Тедди Гарланд стоял, будто приклеенный к полу, прямо между нами и бюро, держась за его край. Я видел, что костяшки его пальцев побелели под загаром, как слоновая кость.

– Что такое? Что вы там прячете? – с требовательным нажимом спросил Раффлс. В его восклицании еще звучала приязнь к мальчишке, в его озадаченном голосе были и шуточные и дружелюбные нотки, но иное настроение скоро взяло верх. В это время я стоял на пороге со смутным чувством ужаса; но Раффлс подозвал меня и зажег еще несколько ламп. Их свет упал на мертвенно-бледное лицо, полное чувства вины, но обнаружил взгляд, полный отваги. Раффлс запер дверь за нами, положил ключ в карман и направился к столу.

Нет необходимости упоминать первые растерянные восклицания, которыми они обменялись. Довольно сказать, что молодой Гарланд не писал никаких записок, но кропотливо копировал в чековую книжку Раффлса более старый чек из книжки, крупно подписанной большими золотистыми буквами «Эй Джей Раффлс» поверх коричневой кожаной обложки. Раффлс только в этом году открыл себе в банке этот счет, и я помню, как он твердил мне, что решительно игнорирует инструкции, написанные прямо на чековой книжке и воспрещающие оставлять ее без присмотра. И вот он, результат. С первого взгляда было ясно, что намерения молодого друга были преступными – рядом лежала целая страница, исчерканная пробными

подписями. Но тут Раффлс повернулся, и с бесконечной жалостью посмотрел на недостойного юнца, глядевшего с вызовом.

– Мой бедный друг! – только и заметил он.

И сломленный мальчишка подал голос, надтреснутый и дрожащий, как у старика.

– Может, сдадите меня, и покончим с этим? – прохрипел он. – Неужели вам самому обязательно нужно мучить меня?

Я собрал все силы, чтобы не вмешаться, и не указать юнцу, что сейчас он не вправе задавать вопросы. Раффлс же скромно поинтересовался, задумал ли тот это дело заранее.

– Бог свидетель, конечно же, нет, Эй Джей! Я поднялся сюда, чтобы написать вам записку, клянусь! – воскликнул Гарланд с неожиданным всхлипом.

– Не стоит ни в чем клясться, – ответил Раффлс с улыбкой. – Вашего слова для меня достаточно.

– Бог благословит вас за это! – задыхаясь, выкрикнул тот в ужасном смятении.

– Это было очевидно, – ободряюще произнес Раффлс.

– В самом деле? Полагаете? Вы ведь предлагали мне чек в том месяце, и вы, конечно, помните мой отказ?

– Ну да, еще бы! – объявил Раффлс с той непосредственной сердечностью, которая убедила меня в том, что он и не вспоминал об этом с тех пор, как разъяснил мне ситуацию за обедом. Но я не понимал причин его странного облегчения – что за смягчающее действие могло бы иметь это обстоятельство в его глазах, ведь оно, как мне казалось, только ухудшало преступление?

– Я успел с тех пор пожалеть о своем отказе, – просто продолжил молодой Гарланд. – Я совершил ошибку, но эта неделя была настоящей трагедией. Мне необходимы деньги, и я прямо скажу вам, почему. Когда вчера вечером я получил вашу телеграмму, казалось, что на мои жалкие молитвы откликнулось Небо. Я было собирался поутру обратиться к кому-нибудь еще, но вместо этого решил дожидаться вас. Вы были единственным, к кому я мог пойти, хотя месяц назад я и отверг ваше предложение. Но вы сказали, что вернетесь сегодня вечером; однако вас здесь не было, когда я пришел. Я позвонил, и узнал, что поезд прибыл благополучно, и что поездов не будет до утра. Завтра утром для меня настает крайняя точка, и к тому же завтра игра нашей команды, – он остановился, глядя на то, что делал Раффлс. – Не стоит, Раффлс, – я этого не заслуживаю! – добавил он с видимым волнением.

Но Раффлс уже открыл домашний бар, нашарил сифон в угловом шкафчике, и протянул кающемуся юнцу полный до краев стакан.

– Выпейте, – сказал он, – или я не стану вас слушать.

– Я буду разорен еще до начала матча. Правда! – настаивал бедняга, повернувшись ко мне, а Раффлс покачивал головой. – И сердце моего отца будет разбито, и... и...

Я думал, что он наконец расскажет нам, в чем дело и что приводило его в отчаяние; но либо он передумал, либо мысли его приняли иное течение против его воли, и, когда он заговорил снова, мы услышали объяснение его дальнейшего поведения.

– Я пришел только написать пару строк Раффлсу, – сказал он мне, – на случай, если он все же уже вернулся. Швейцар сам предложил мне воспользоваться этим бюро. Он расскажет вам, сколько раз я звонил, чтобы что-то разузнать. А здесь я увидел вашу чековую книжку прямо у себя перед носом, в ящичке, а рядом с ней – старую книжку, полную исполненных чеков.

– И, поскольку меня здесь не было, – заключил Раффлс, – вы решили выписать себе чек за меня. И совершенно правильно сделали!

– Не смейтесь надо мной! – выкрикнул мальчишка, и кровь обратно прилила к его щекам. Он снова уставился на меня, будто мое строгое лицо причиняло ему меньше боли, чем живая симпатия его друга.

– Я вовсе не смеюсь, Тедди, – мягко ответил Раффлс. – Никогда в жизни я не был более серьезен. Как мой друг, вы пришли ко мне за помощью, но только самый верный друг стал бы за меня заполнять эти бумажки, вместо того, чтобы дать мне почувствовать, будто я разрушил его жизнь, не появившись вовремя. Качайте головой сколько угодно, но мне никогда не делали комплимента настолько возвышенного.

И этот законченный казуист пустился в снисходительные рассуждения в том ключе, который принудил бы любого менее упорного грешника признать, что он не совершал ничего предосудительного; но юный Гарланд не собирался ни придумывать, ни принимать никаких оправданий своему поведению. Я ранее не встречал человека, более полного самообвинения и признания своих ошибок, высказанных в более сильных выражениях; и хотя в его раскаянии было нечто столь искренне и подлинное, что я и Раффлс утратили давным-давно, в глубине души я уверен, что мы приняли его проделки куда серьезнее, чем свои собственные преступления. Но он в самом деле поступил глупо, хоть не имея в основе этой глупости, как он утверждал, преступных намерений. Суть заключалась в повторении старой истории о расточительном сыне при слишком мягкосердечном отце. Присутствовал, как я догадывался, в его прошлом и бунт юности, вероятно, уже умеренный влиянием Раффлса; но были там и безумные причуды, о которых, Раффлс, конечно же, знал меньше, ведь наш шалопай, естественно, скорее сознавался в шалостях, чем в глупостях. Упомяну еще, что юнец пытался сперва прибегнуть к отцовской щедрости, но лишь обнаружил, что отец и сам находится в стесненных обстоятельствах.

– Что?! – воскликнул Раффлс. – И это притом, что он владеет таким домом?

– Я знал, что это удивит вас – сказал Тедди Гарланд. – Я и сам ничего не понял; он не посвящал меня в детали, но мне хватило одного только факта. А после этого я не мог довериться отцу свои трудности. Он выписал мне чек, чтобы покрыть то, в чем я уже сознался, но я понял, что для него я настоящая заноза, и поклялся никогда больше не заставлять его выплачивать ни фартинга. И я клятву сдержу!

Парень отхлебнул из бокала, ведь голос его срывался, и прервался, чтобы прикурить еще сигарету, поскольку предыдущая выпала из его пальцев. Таким чувствительным, и в то же время таким отчаявшимся было его обрамленное белесыми локонами молодое лицо с наморщенным лбом и нервно дергающимся ртом, что Раффлс, как я заметил, отвернулся, пока не погасла спичка.

– Но тогда я мог еще и ухудшить дело, – заметил Тедди, – в тысячу раз, и я так и поступил! Я пошел к евреям. Вот что самое худшее. У меня были другие долги, долги чести, и, чтобы с ними разобраться, я пошел к евреям. Для начала мне хватило бы и двух или трех сотен, но вы, наверное, знаете (а я тогда не знал), в какой снежный ком малейшая сумма превращается в руках у этих дьяволов. Я занял три сотни, а подписал долговое обязательство на сто пятьдесят шесть фунтов.

– Всего пятьдесят процентов! – заметил Раффлс. – Если это годовой процент, вы дешево отделались.

– Вы подождите! Я старался быть как можно предусмотрительнее. Эти сто пятьдесят шесть фунтов должны были выплачиваться ежемесячно по двадцать, и я свято соблюдал договоренность до срока шестой выплаты. Это было вскоре после рождества, когда у всех в карманах сквозняк, и я в первый раз задержал выплату на день или два – обратите внимание, не более! Но знаете, что произошло потом? Мой чек вернули мне, и потребовали немедленно выплатить весь остаток!

Раффлс следил за рассказом внимательно, с тем полным сосредоточением, которое в его арсенале служило отправной точкой для действия. Его лицо не меняло выражения, что бы он ни услышал, оно было так же напряженно-внимательно, как лицо судьи в зале суда. Никогда я

не мог точнее представить его таким, каким бы он мог стать, если бы не та прихоть природы, что сделала его тем, кем он был.

– Так значит, обязательство было на четыреста пятьдесят шесть фунтов, – сказал он – а досрочное требование касалось доли меньшей, чем та сотня, что вы уже выплатили?

– Именно.

– И как же вы поступили? – спросил я, только чтобы не показалось, что я отстаю от Раффлса в понимании дела.

– Велел им забрать мой взнос и проваливать к чертям со всеми требованиями!

– А они?

– Забросили дело до этой недели, а потом пришли ко мне за – не угадаете ли, за чем?

– За тысячей фунтов – сказал Раффлс, подумав немного.

– Невероятно! – воскликнул я. Гарланд как будто и сам был потрясен.

– Раффлс разбирается в таких вещах, – сообщил он. – Правда, точное число было – семь сотен. Надо ли говорить вам, что я держался от этих наглецов подальше с того самого дня, как раздобыл денег; но я пришел к ним и попытался разобраться с этим делом. И, кроме того, замечу вам, там набегали пени, еще семь с половиной сотен, с января до дня уведомления!

– Вы давали свое согласие на это?

– Не могу припомнить, чтобы делал это, но запись об этом черным по белому красовалась в моем долговом обязательстве. Полпенни за шиллинг в неделю просрочки, и сверх того – полная сумма оговоренного процента.

– Это было напечатано, или написано от руки?

– Напечатано, мелким шрифтом, но достаточно крупным, чтобы я мог прочесть это на чертовой бумажке. Вообще-то я припоминаю, что видел условие и раньше – но полпенни в неделю! Кто бы мог поверить, что скопится такая сумма? Но она скопилась, это очевидно, и, в общем, если я не заплачу до полудня завтра, обратятся к моему отцу, и ему придется сказать, заплатит ли он за меня, или позволит сделать меня банкротом прямо у него под носом. И это в двенадцать часов, точно, когда начинается матч! Конечно, они и об этом знают, и используют, чтобы торговаться. Как раз этим вечером я получил налейший ультиматум, и он гласил, что это мой «последний шанс».

– И после этого вы пришли сюда?

– Я собирался к вам в любом случае. Жаль, что перед тем себе пулю в лоб не пустил!

– Мой дорогой друг, вы даете мне повод гордиться собой; но все же, Тедди, давайте не будем терять чувства меры.

Но юный Гарланд закрыл лицо руками и вновь превратился в того сломленного несчастного, что начал излагать историю своего позора. Те безотчетные движения, которые породило простое облегчение его сердца, естественный мальчишеский жаргон, прихотливо украшавший его речь, все стерлось и с его лица и с его губ. Снова он стал той несчастной душой, раздираемой безнадежностью и унижением; но все же отсутствие низости в этом человеке и его манерах спасало его от самой глубины отчаяния. В такие моменты он становился достойным сожаления, но все же не был жалок и точно не был менее симпатичен. Определенно, теперь я мог видеть его качества, которые завоевали сердце Раффлса в том свете, в котором не видел их раньше. Встречается благородство слишком наивное, чтобы сломиться от единственного погружения в глубины постыдного, бывает прямотушии слишком светлое и откровенное, чтобы запятнаться случайным бесчестьем; все это было так очевидно присуще этому молодому человеку, что двое, слушавшие его рассказ, были полны решимости защитить в нем те благородные качества, которые сами утратили. Эта мысль пришла ко мне без малейшего принуждения. Но, возможно, я извлек ее из выражения того лица, которое читал некогда так легко, четко очерченного лица, которое никогда не казалось мне в профиль таким ясным или, насколько я мог судить, не выражало такой нежности.

- А что насчет тех евреев? – спросил Раффлс, чуть погодя.
- По правде сказать, он один.
- И об его имени нам нужно догадаться?
- Нет, я могу сказать вам его. Это Дэн Леви.
- Ну конечно, он! – воскликнул Раффлс, кивнув мне. – Наш Шейлок во всей красе! Тедди поднял лицо от сложенных ладоней.
- Вы ведь знаете его, так?
- Я мог бы сказать, что знаю его по дому, – произнес Раффлс – Но замечу, кстати, что узнал его за границей.
- Тедди подскочил с места.
- Но знаете ли вы его достаточно...
- Определенно. Увижусь с ним утром. Все же мне хорошо бы иметь расписки за уже сделанные вами платежи, и то письмо, намекающее на «последний шанс».
- Вот все бумаги, – выговорил Гарланд, протягивая толстый конверт. – Но я, разумеется, поеду с вами...
- Разумеется, вы ничего такого не сделаете, Тедди! Я не стану сталкивать вас с этим старым паршивцем и не собираюсь заставлять вас бдеть всю ночь. Где вы будете ночевать, друг мой?
- Не представляю. Я бросил снаряжение в клубе. Я бы пошел домой, если бы встретил вас пораньше.
- Сильный характер! Вы останетесь тут.
- Старина, дорогой мой, я и мечтать о таком не мог, – с благодарностью произнес Тедди.
- Милый мой, мне все равно, о чем вы там не могли мечтать, вы останетесь здесь, и, конечно, ляжете немедленно. Я прикажу подать вам все, что захотите, а Бэркло доставит вам снаряжение еще до подъема.
- Но ведь у вас нет лишней кровати, Раффлс?
- Займите мою. Я вообще не ложусь – а, Банни?
- Да, в кровати тебя редко застанешь, – подтвердил я.
- Но вы ведь были той ночью в пути?
- И до этого вечера, и всю дорогу в поезде я проспал, – сказал Раффлс. – Я днем еле глаза приоткрыл – если сейчас лягу, точно не засну.
- Ну и я тоже, – произнес тот с безнадежной тоской, – я вообще забыл, что такое сон!
- Погодите, сейчас я вам напомню! – сказал Раффлс, удаляясь в комнату, чтобы зажечь свет.
- Мне ужасно жаль, что так получилось, – прошептал мне Гарланд, будто мы уже были старыми друзьями.
- А мне жаль вас, – от сердца добавил я. – Я знаю, как это бывает.
- Гарланд все еще глядел на меня, когда Раффлс вернулся с крохотной бутылочкой и, тряхнув ею, высыпал несколько черных мелких кругляшек в подставленную ладонь.
- Застеленная кровать ждет вас, Тедди, – промолвил он. – Примите две штучки, не больше глотка виски, и через десять минут будете видеть сны.
- Что это такое?
- Сомнол. Последняя новинка, лучший состав в своем роде.
- Разве от этого не будет похмелья?
- Ни в коем случае, будете свежи, как нарцисс, через десять минут после подъема. И не рассчитывайте, что уйдете завтра раньше одиннадцати – вы ведь не хотите потеть на разминке?
- Разминка обязательна, – серьезно сказал Тедди. Но Раффлс только посмеялся над ним.

– Они пустили вас в игру не для пробежек, друг мой, и я этими руками рисковать не собираюсь. Помните о всех пари, которые на вас заключены, и о всех пробежках, которые вы не должны дать сделать сопернику!

И Раффлс выдал дозу своего опиата еще до того, как пациент задал следующий вопрос; в следующую минуту он пожимал мне руку, а еще через минуту Раффлс уже гасил свет. Он исчез ненадолго, и я помню, как прижался к окну, чтобы случайно не услышать разговор из соседней комнаты. Ночь была бесподобна. Звездчатый купол над Олбани стал лишь немногим менее блестяще-синим, чем в тот час, когда я и Раффлс вернулись. Звуки движения с Пикадилли доносились до меня звонко, как в мороз. Вечер словно был полон игристого вина, а Божий день обещал быть полон нектара. Я все раздумывал, играл ли кто-нибудь раньше за Университет с таким грузом на душе, какой наш Гарланд унес в свои вынужденные сны, а еще – были ли у отягощенной подобным грузом души такие по-братски расположенные исповедники, как Раффлс и я сам.

Глава III. Военный совет

Раффлс все мурлыкал какой-то мотивчик, слишком изысканный, чтобы я узнал его, когда я наконец отвлекся от великолепия ночи. Складные двери были закрыты, и старые часы по одну сторону от них показывали почти полночь. Раффлс не стал прерывать ради меня мелодию, но указал на сифон с графином, и я пополнил свой стакан. У моего друга был такой же, что казалось довольно необычным, но он не просто сидел со стаканом – он казался слишком дерганным для этого; его внимание даже привлекли две картины, которые поменялись местами в его отсутствие, повинувшись чьей-то рачительной руке, две прекрасные копии Уоттса и Берн-Джонса от герра Хольера, которых Раффлс, на моей памяти, раньше и не замечал. Но казалось, что они должны висеть там, где он их повесил, и я впервые видел, чтобы они висели ровно. Книжки также пострадали от чьей-то благонамеренности, но он оставил их, пожав плечами. Он исследовал справочники и сверялся в записях, так что немало минут пролетели в молчании. Но когда он тихонько прокрался во внутренний покой, подождав немного у распашных дверей, у его губ все лежала напряженная складка, а едва вернулся, захлопнув двери безо всякой заботы о тишине, то начал говорить, имея притом самый мрачный вид.

– Парень увяз в болоте поглубже, чем он думает. Но мы должны вытащить его вместе до начала матча. Это определенно зов судьбы, Банни!

– А ты сам думал, что это болото настолько глубокое? – спросил я, прикидывая содержание того разговора, который так старался не подслушать.

– Я бы не сказал, Банни, хотя мне не стоило рассчитывать на то, чтобы впутать его отца. Признаю, я кое-чего не понимаю. Они оба живут в потрясающем деревенском доме в черте Лондона, причем только вдвоем... Но я обещал Тедди не обращаться к его отцу за деньгами, так что вся эта болтовня без толку.

Вот о чем, они, оказывается, переговаривались за закрытыми дверями, однако меня удивило, как близко к сердцу воспринял дело Раффлс.

– Так ты решил раздобыть деньги еще где-то?

– ...Причем до того, как он откроет глаза поутру.

– Так он уже заснул?

– Как застреленный, – промолвил Раффлс, падая в кресло, и задумчиво опустошив бокал, – да так и будет спать, пока мы его не разбудим. Рискованное дело, Банни, но я скажу тебе, что даже раскалывающаяся голова в начале матча – лучше, чем бессонная ночь перед ним; поверь, я все это испытал. Не удивлюсь, если он завтра сможет на поле больше обычного; у него это бывает, если он чувствует себя недостойным. Это проходит вместе с острой способностью увлекаться, об которую молодежь так часто режет глотки.

– Но что ты думаешь обо всем этом, Эй Джей?

– Дело не особенно хуже, чем я внушил ему.

– Но, кажется, ты не удивлен?

– Я давно не удивляюсь тому, на что способны даже лучшие из нас, и наоборот, конечно же. Известный богач может оказаться нищим, а честнейший малый притворяться прощелыгой; каждый из нас способен на все, черт возьми. Давай поблагодарим звезды за то, что Тедди решился действовать, как раз когда мы вернулись.

– Но почему этот момент так важен?

Раффлс достал недописанный чек, взглянул на него, покачал головой и кинул мне через стол.

– Ты видел когда-либо подобное жалкое ребячество? Разумеется, его задержали бы в банке, послав за полицией. Если захочешь поиграть с подделками, Банни, позволь мне дать тебе сперва хоть пару уроков.

– Но, Эй Джей, это ведь совершенно не твое ремесло!

– И я этим был грешен, раз ли два; это дело мне никогда, впрочем, не нравилось, – заявил Раффлс, посылая кружочки дыма, чтобы увенчать девушек с репродукции «Золотой лестницы», которые наконец получили надежную опору в виде вертикальной башни. – Нет, Банни, один-другой случайный отпуск от школьных занятий – вот и все мои подвиги на ниве подделок, да и те, признаться, вышли мне боком. Ты ведь помнишь, перед тем, как это случилось, я оставлял чековую книжку без присмотра? Шанс стать жертвой преступления вместо того, чтобы самому преступить закон – вот что по всем законам может обелить человека до конца жизни. Я, прости мне Господи, думал бы на кого-нибудь вроде старины Бэркло или ему подобного. И надо же, это оказался «друг, которому я душу вверил»! Ничего, конечно, я ему не вверял, Банни, но этого парня я просто люблю.

Невзирая на бескомпромиссность последнего утверждения, это был все тот же Раффлс, старина Раффлс, которого я знал лучше всех, откровенно-циничный, любитель дерзких цитат и развязных *jeux d'esprit*¹. Этот Раффлс всегда был откровенен лишь наполовину, но поступал так, как предусматривалось другой половиной! Я парировал его сантименты, указав, что, согласно его собственному календарю, солнце взойдет в 3:51 – а ведь он собирался решить дело этой ночью. Раффлс только улыбнулся в мою сторону.

– Я помню об этом, Банни – заметил он. – Но ради этих денег только лишь один ларец достоин взлома, а наш мистер Шейлок – не та крепость, которую сам Цезарь мог бы взять *ex itinere*². Здесь придется строить войско *testudo*³ и тому подобное. Ты ведь помнишь, что я знаком с клиентом, Банни; я хотя бы заглядывал в его «походную палатку», если позволишь перейти от древних к современным аналогиям. И если уж его временный лагерь был настолько неприступен, как мне стало очевидно, то его постоянная резиденция – настоящий замок, вознесенный на высоком утесе!

– Расскажи мне поподробней об этом, Раффлс – попросил я, уставая от этого калейдоскопа метафор. Пусть упражняется в красноречивых намеках сколько угодно, пока на носу нет рискованной работы, и тогда я буду его счастливой и преданной аудиторией хоть бы и до самого утра. Но ради темного дела я хотел бы избегать словесных фейерверков и прибегнуть к надежному свету его интеллектуальной лампы. Увы, именно подобные моменты запускали эти пиротехнические представления у моего друга.

– О, я, безусловно, все тебе расскажу, – ответил Раффлс. – Но сейчас несколько грядущих часов важнее нескольких прошедших недель. Конечно, Шейлок для нас – очевидный источник денег; но зная обычаи наших единоплеменников, я думаю, что будет лучше для начала деньги занять, как добрым христианам и подобает.

– Но нам придется их выплачивать.

– Вот тогда и настанет психологически верный момент, чтобы опустошить «темнейшие ларцы нашего скряги» – если таковые у него есть. Но так мы выиграем время, чтобы найти их.

– Ведь он не держит контору открытой ночью, – возразил я.

– Однако он открывает ее в девять утра, – заметил Раффлс, – чтобы перехватить биржевого брокера, ту раннюю пташку, которая предпочитает кровопускание отсечению головы.

– Откуда эти сведения?

– От жены мистера Шейлока.

– Вероятно, вы успели очень подружиться?

– Я скорее жалел ее, нежели старался выведать секреты.

– Но и в секретах не упустил случая порыться?

¹ Колких комментариев.

² С марша, нахрапом.

³ Черепахой.

- О, секретам она устроила настоящую распродажу.
- Еще бы, – заметил я, – ты настойчив.
- Она рассказала мне о грядущем процессе по делу о клевете.
- Шейлок против Факта?
- Да, дело началось еще до отпуски.
- Я читал что-то такое в газетах.
- Но известно ли тебе, в чем суть вопроса, Банни?
- Нет, абсолютно ничего.
- Другой старый мерзавец, Махараджа Хатипура, и его прославленная куча долгов...

Кажется, он уже несколько лет, как он захвачен когтями нашего мистера Шейлока, но вместо того чтобы наконец отдать свой фунт плоти, занимал все больше. Безусловно, такова судьба должника, но сейчас, говорят, сумма дошла до шестизначной отметки. Никому не жалко этого престарелого варвара; поговаривают, он был приятелем Наны Сагиба до восстания сипаев, еще говорят, что завязнув в мятеже по брови, он спасся, только пойдя против своих; в общем, в моральной перспективе этого черного кобеля не отмыть. Мне известно, что уже формировался синдикат по выкупу долгов этого субъекта, конечно, с разумной скидкой, и только мерзейший из цивилизованных людей стал бы на пути у такого начинания. Дело шло к завершению, когда старый Леви затянул черномазого в новое сумасбродство на Востоке. «Факт» обнаружил эту махинацию и опубликовал компрометирующие письма, которые, как клянется Шейлок, – фальшивки. Вот, вкратце, все обстоятельства! Должники нашептали еврею, что нужно убраться в Карлсбад, пока дело не вскрылось; а невероятная сумма, в которую все это может обойтись, должно быть, является причиной его давления на старых клиентов по возвращении.

- Но тогда зачем ему одалживать деньги тебе?

– Просто я – новый клиент, Банни; вот и вся разница. К тому же на водах мы были хорошими друзьями.

- Но все же не лучше, чем ты и миссис Шейлок?

– Кто знает, Банни! Она вверяла мне свои тревоги, а я подавал ей руку и старательно прикидывался несчастным; мой приятель-охотник сыпал грубыми метафорами про жирдяев и бойню.

- И все же ты утек вместе с ожерельем бедняжки?

Раффлс привычно обстукивал сигарету об стол возле локтя; он приподнялся, чтобы зажечь ее, как другие приподнимаются, чтобы сделать какое-нибудь драматическое заявление, и сказал, глядя через огонек, поднимавшийся и опускавшийся в такт его дыханию:

- Нет, Банни, вовсе нет!
- Но ты сказал, что сорвал Изумрудный Банк! – воскликнул я, в свой черед подскочив.
- Верно, Банни, но тут же сдал его обратно.
- Ты раскрылся перед ней, потому что она открыла тебе его секреты?
- Не глупи, Банни, – сказал Раффлс, опускаясь в кресло. – Не расскажу тебе пока всего,

но вот вкратце, что случилось. Они остановились в Савое, в Карлсбаде, я имею в виду. Я поселился в Паппе. Мы встретились. Они на меня уставились. Я вылез из своей британской раковины, чтобы признаться, что у меня есть сердечный интерес в другом Савое. Потом поругал свой отель. Они начали превозносить свой. Я напросился посмотреть их номер. А затем просто ждал, пока не освободился такой же на этаж выше, и оттуда я мог слышать, как старый боров ругает супругу из своей грязевой ванной! Балконы в номерах были как будто созданы для меня. Нужно ли продолжать?

- Я удивлен, что тебя не заподозрили.

– Наши возможности для удивления безграничны, Банни. Чтобы не заподозрили, я прихватил с собой немного старого тряпья, завернув его в приличный костюм, и еще мне повезло подобрать старую и заношенную немецкую кепку, которую какой-то крестьянин бросил в лесу.

Я собирался оставить ее на месте событий как визитную карточку, она ей и послужила, ну и еще пришлось занять очередь к парикмахеру наутро.

– Но что произошло?

– Целый спектакль неотрепетированных накладок; именно поэтому я дважды подумаю, прежде чем атаковать старину Шейлока. Я восхищен им, Банни, он непреклонный противник. Да, мне хотелось бы схлестнуться с ним на его территории. Но прежде чем подставляться, мне нужно тщательней рассчитать свой замах битой.

– Полагаю, ты с его семейством пил чай или что-то вроде?

– Гешюблер! – ответил Раффлс, пожав плечами. – Но я растянул бутылку минеральной воды на целое чаепитие, и, кажется, заметил перед уходом, где скрывались зеленые светлячки. В одном из углов стоял лакированный ларец для бумаг. «Вот мой Изумрудный остров, – подумал я, – и скоро я отправлюсь в плавание. Старикан не доверяет ценности жене после того, что случилось за ужином». Не стоит упоминания, что я знал о том, что они взяли изумруды с собой – миссис Шейлок надевала их иногда на жалкие подобию обеда в отелях Карлсбада.

Раффлс становился все более многословен. Полагаю, он забыл уже и о юноше в соседней комнате, и обо всем остальном, кроме захватывающей дух битвы, в которой он сражался вновь ради моего развлечения. Он рассказал, как дождался ночи потемнее, а потом соскользнул вниз с балкона перед своей гостиной на этаж ниже. В конце концов, оказалось, что изумруды были вовсе не в лакированном ларце; и как раз, когда он убеждал себя в реальности этого факта, распашные двери – «точь-в-точь как эти», – заметил он, – отворились, и на пороге стоял сам Дэн Леви, в пижонской шелковой пижаме.

– Неожиданно, но он даже начал внушать мне подобие уважения, – продолжил Раффлс, – мне вдруг стало ясно, что он принял не только грязевую ванну накануне. Его лицо было таким же злобным, как и всегда, но он был вопиюще безоружен, в то время, как я – нет, и все же он стоял там и костерил меня почем свет, как карманника, будто я никак не мог выстрелить в ответ, и будто ему было совершенно плевать, если я выстрелю. Я направил револьвер прямо ему в лицо и взвел курок. О, Банни, что было бы если бы я дернулся! Но все же он заморгал, и я с облегчением опустил оружие.

«Доставай те изумруды», – проскрипел я на грубом германском наречии, которое берегу для таких случаев. Конечно, ты понимаешь, что узнать меня было никак нельзя, я создал образ абсолютного подонка с зачерненным лицом.

«Я не знаю, о чем вы, – ответил он, – и мне плевать на ваши угрозы».

«Das halsband», – уточнил я, что значит «ожерелье».

«Ступайте в ад», – парировал он.

Я собрался и покачал головой, а потом помахал кулаком у него перед носом и кивнул. Но он рассмеялся мне в лицо, и, я клянусь тебе, в этот момент я понял, что мы оказались в тупике. Я указал на часы и поднял вверх один палец.

«Мне осталось жить минуту, старая! – прокричал он за дверь. – Если этот мерзавец решится стрелять, но мне кажется, у него не хватит духу. Может быть, выберешься с черного хода и поднимешь тревогу?»

И тут осада кончилась, Банни. Вышла старая женщина, не менее отчаянно-храбрая, чем он, и втиснула мне в руку изумрудное ожерелье. Я уже хотел было отказаться от него, но не посмел. А старый грубиян схватил ее и затряс как мышшь, пока я не перехватил его снова, и не пообещал на немецком, что, стоит ему высунуться на балкон в следующие две минуты, и он станет ein toter Engländer! Это была еще одна заготовленная фразочка – означает она «мертвый англичанин». И я оставил его и старушку, которая вцепилась в него, но уже, слава Богу, не наоборот!

Я выдохнул и опустошил стакан. Раффлс и сам пригубил немного.

– Но ведь веревка была закреплена на твоём балконе, Эй Джей?

– Ну, начал я с того, что закрепил веревку на их перилах, сразу, как спустился. Они нашли ее свисающей до земли, как только выбежали из номера. Разумеется, ночь для дела я выбрал тщательно – было не только темно, как в шахте, но и сухо, как в пустыне, через пять минут я уже помогал всему отелю искать на дорожке следы, которых и быть не могло, и истреблять все, что только могло быть обнаружено.

– Так тебя никто не заподозрил?

– Ни единая душа, я вполне в этом уверен; мои жертвы меня первого замучили до зевоты рассказами о происшествии.

– Тогда зачем ты вернул добычу? Ты иногда так делал, я помню, Раффлс, но в подобном деле, да еще с этим боровом, признаюсь, я не вижу в этом смысла.

– Ты забыл про бедную старушку, Банни. У нее и так была безрадостная жизнь, а после этого случая он относился к ней хуже, чем к собаке. Я уважал ее за то, как смело она держалась, не поддаваясь на грубости мужа; это впечатляло даже больше, чем его вызов, брошенный мне; и существовала только одна награда, достойная ее, а именно – мой дар.

– Но как же ты провернул это?

– Безусловно, не выступив на публике, Банни, но, конечно, и не вверив ей мои секреты!

– Так значит, ты вернул ей ожерелье анонимно?

– Как и поступил бы, конечно, любой подонок-грабитель германской крови! Нет, Банни, я всего лишь спрятал его в лесу, там, где, как я догадывался, оно будет найдено. После этого осталось только приглядывать, чтобы его не нашел тот, кто захотел бы прикарманить. К счастью, мистер Шейлок объявил солидную награду, так что все сложилось, как надо. Он послал доктора к Сатане, заказал оленины и море выпивки, вечером того же дня, когда нашлось ожерелье. Охотник и я были приглашены на благодарственный ужин; я не отступал от диеты, так что и ему было неловко – раз уж я не сдавался. Между нами тогда словно кошка пробежала, и теперь я сомневаюсь, что состоится тот грандиозный пир, который должен был отметить наше возвращение из страны мертвых в Лондон.

Но пресловутый охотник на лис меня не интересовал. «Дэн Леви, похоже, крупный зверь, и его не так просто будет завалить», – заметил я чуть погодя. Притом совершенно не жизнерадостно.

– Весьма справедливое наблюдение, Банни; и именно поэтому мне так хочется его завалить. Это будет та схватка, которую наша дешевая пресса научилась называть гомерической.

– Ты сейчас о завтрашнем дне, или о том моменте, когда соберешься ограбить мошенника, чтобы заплатить ему же?

– Великолепно, Банни! – выкрикнул Раффлс, как будто увидел, что я дал удачный пас на спортивной площадке. – Как все-таки проясняет голову рассветный час! – он дернул занавески, и, как ученик открывает грифельную доску, открыл окно, разделенное рамами. – Ты понял, что звезды устали от наших разговоров, и стерлись с небес! Сам медоточивый Гераклит не просиживал ночи напролет, или его приятель не хвастался бы тем, что утомил само Солнце тем же методом. Много же упустили эти двое бедняг!

– Но ты не ответил на мой вопрос, – заметил я робко. – И кстати, не поделишься, как ты предлагаешь устроить это дело так, чтобы получить деньги?

– Если ты зажжешь еще сигару, Банни, – сказал Раффлс, – и в последний раз нальешь себе еще по маленькой, я тебе, конечно, расскажу.

И он рассказал.

Глава IV. «Наш мистер Шейлок»

Я часто гадал, в какой момент нашего разговора или на какой его фразе оформился у Раффлса тот его план, к исполнению которого мы немедля приступили; ведь мы без перерыва болтали с его приезда в восемь вечера и до двух часов ночи. Хотя с двух до трех мы обсуждали именно то, что делали потом с девяти до десяти, за одним исключением, которое стало неизбежным из-за совершенно неожиданного развития обстоятельств, о которых до определенного момента лучше не распространяться. Воображение и дар предвидения Раффлса безусловно превосходили все, о чем он позволял себе проговориться; но даже во время разговора его идеи могли выкристаллизовываться, притом вполне очевидно для слушателя, и фраза, которая начиналась с бледной тени мысли, в своем развитии заключала законченный проект, подобно тому, как изображение фокусируется при наведении увеличительного стекла, и, в придачу, во всех деталях.

Достаточно будет сказать, что после долгой ночи в Олбани и краткой ванны с чашкой чая у себя, я нашел Раффлса, ожидающего меня на Пикадилли, и мы приблизились к челюстям Джермин стрит. Там мы кивнули друг другу, будто прощаясь, и я пошел дальше, но почти сразу развернулся, словно забыл что-то, и снова зашел на Джермин стрит, едва ли в пятидесяти ярдах позади Раффлса. Я и не думал догонять его. Я шел как раз позади, когда увидел первое затруднение, которое, впрочем, много времени не заняло; прямо в объятия Раффлса выскочил из конторы Дэна Леви один из его самых ранних клиентов. Последовали жаркие извинения, принятые с вежливой холодностью, за ними начались взволнованные излияния, которых я не расслышал издали. Все это производил небольшого роста человечек, окруженный копной чернейших волос, жестоко мявший в руках свое огромное сомбреро, обращаясь к Раффлсу с речью, которую тот внимательно слушал. По виду собеседников мне ясно было, что речь шла не о только что случившемся столкновении; но я не смог разобрать ни слова, стоя у шляпной мастерской, пока Раффлс не зашел внутрь, а от его нового знакомого не донесся до меня новый залп грубых ругательств на ломаном английском, сопровождаемый взглядом горящих глаз.

«Еще одна жертва мистера Шейлока», – подумал я, и действительно, несчастный, вероятно, страдал от внутреннего кровотечения после изъятия фунта плоти; во всяком случае, жажда кровопролития читалась у него в глазах.

Я долго простоял у витрины шляпника, а потом зашел, чтобы выбрать кепку. Но в таких узких магазинчиках обычно очень темно, и я ощутил необходимость вынести несколько кепок наружу, чтобы определить их оттенок, и как бы ненароком оглядеть улицу. Далее я был коронован специфическим агрегатом, подобным печатной машинке, предназначенным для точного измерения и определения формы моего черепа, поскольку я намекнул, что не расположен надевать прибор в будущем более нигде. Все это заняло добрых двадцать минут, но, уже почти добравшись до мистера Шейлока, я вспомнил, что именно у этого шляпника имеются еще и соломенные канотье, и немедленно вернулся, чтобы заказать одно вдобавок к кепке. И так же, как очередная подсечка приносит улов, мое следующее метание туда-обратно (во время которого я всерьез задумался о новом котелке) принесло мне долгожданную встречу с Раффлсом.

Мы обменялись приветственными возгласами и рукопожатиями; воссоединение наше случилось практически под окнами ростовщика, и было настолько не по-английски сердечным, что между объятиями и хлопками Раффлс смог ловко протиснуть увесистый сверток мне в карман. Не думаю, что это движение заметил бы и самый придиричивый прохожий. Однако у улиц глаз не меньше, чем у вечно бдящего Аргуса, и хотя бы пара из них всегда следит за вами.

– Им пришлось посылать в банк за всей суммой, – шепнул мне Раффлс, – пачку они едва ли запомнили. Но не позволяй Шейлоку увидеть его собственный конверт!

Через секунду он начал во всеуслышание бубнить нечто совершенно иное, а еще через миг уже поволок меня через порог конторы Шейлока.

– Позволь, я введу тебя и представлю, – заорал он. – Ты не мог выбрать партнера лучше, дорогой мой, это честнейший человек Европы. Мистер Леви освободился?

Чахлый молодой джентльмен, который говорил так, будто являлся обладателем заячьей губы или легкого опьянения – ни одно из этих предположений, впрочем, не было правдой, сообщил, что, да, вероятно, но он уточнит, что и сделал посредством телефона, переведя его с динамика на трубку. Затем он соскользнул со стула, и тотчас еще одному поспешно вошедшему человечку, столь же молодому, или, по крайней мере, так выглядевшему, но очень сходному с первым манерой речи, быстро вошедшему с каким-то делом, было велено подождать, пока джентльменов не проводят наверх. В помещении, куда мы взобрались, за стойкой красного дерева располагались еще клерки, и новоприбывший хрипло поприветствовал их.

Дэн Леви, как я должен называть его, раз уж Раффлс не лакирует мой рассказ, казался огромным за своим гигантским бюро, но уж точно не таким огромным, каким он предстал перед нами месяц назад за крошечным столиком в Савое. Его лишения на курорте не только умилили его объемы, что было видно невооруженным глазом, но и как будто заставили скинуть лет десять. Он был одет настоящим джентльменом; даже сидя, облаченный в такой безупречно скроенный сюртук и аккуратнейше завязанный галстук, он наполнял меня едва осознаваемым чувством почтения, видимо, тем же, что его шелковая пижама произвела ранее на Раффлса. Его лицо поприветствовало нас выражением заинтересованного, хоть и насмешливого радушия, что произвело на меня еще большее впечатление. Своими крупными чертами рубленого лица он напоминал скорее кулачного бойца, чем хитрого ростовщика – особенно его нос, который все же выглядел более здоровым, нежели в тот первый и последний раз, когда я его видел, и производил своим размером угрожающее и подавляющее чувство. Было приятно повернуться от этой угрожающей личины к Раффлсу, который вошел с обыкновенным чувством отстраненной уверенности и представил нас с неподражаемой легкостью, которая сопровождала его в любых кругах общества.

– Рад встрече с вами, сэр, как пож'ваете? – произнес мистер Леви, глотая некоторые буквы, невзирая на усилия. – Присядьте, сэр, прошу.

Но я остался на ногах, хоть и чувствовал, что они близки к тому, чтобы задрожать, и, погрузив руку во внутренний карман, начал обрабатывать содержимое, извлекая его из конверта, который передал мне Раффлс, одновременно воспроизводя фразы и особенно тон, что мы отрепетировали этой ночью в Олбани.

– Не уверен я, что вы так рады, – начал я. – Если точнее, радость ваша, наверное, быстро пройдет, мистер Леви. Я пришел по просьбе друга, мистера Эдварда Гарланда.

– А я-то решил, что ты сюда за займом! – вмешался Раффлс без всякого стеснения. Ростовщик уставился на меня блестящими глазами, поджав губы.

– Я этого не говорил, – выпалил я Раффлсу в ответ; и мне показалось, что за его взглядом, словно истину на дне колодца, я увидел одобрение и попытку подбодрить меня.

– И кто же этот маленький нахал? – спросил его ростовщик с очаровательной наглостью.

– Это мой старый друг, – ответила Раффлс тем обиженным тоном, который определенно означал окончание старой дружбы. – Я решил было, что он на мели – или я никогда и не осмелился бы представить его вам.

– Я вовсе не просил тебя о представлении, Раффлс, – агрессивно возразил я. – Я всего лишь входил в тот момент, когда ты выходил. Я считал, что не в твоем характере лезть в чужие дела!

После чего с истинно англо-саксонским намеком будущего насилия над моей личностью, Раффлс распахнул дверь, порываясь покинуть нашу беседу. Все это произошло точно, как мы

репетировали. Но Дэн Леви позвал Раффлса и пригласил войти обратно. И это было именно то, на что мы надеялись.

– Господа, господа! – воскликнул еврей. – Прошу не превращать мой офис в место для петушинных боев, господа; и молю, мистер Раффлс, не бросайте меня на милость своего опасного друга.

– Можете сохранить за собой численное преимущество, – отважно прошипел я, – мне наплевать.

Моя грудь содрогнулась со вздохом, как того требовал режиссерский замысел, но была в том и нотка облегчения из-за того, что пьеса шла, как планировалось.

– Ну что же, – произнес Леви. – Ради чего прислал вас сюда мистер Гарланд?

– Вам это известно, – ответил я, – это из-за его долга вам.

– Вы только не распаляйтесь, – сказал Леви. – Так что насчет долга?

– Это просто позор! – выпалил я.

– Вполне согласен, – отметил он со смешком. – Это дело следовало уладить много месяцев назад.

– Месяцев? – повторил я. – Прошло всего двенадцать месяцев, как он занял у вас три сотни фунтов, и теперь вы хотите выбить из него все семь!

– Верно, – заметил Леви, приоткрыв свои жестко поджатые губы, которые исчезли в следующее мгновение.

– То есть, он занял у вас три сотни на год, от силы, и теперь в конце вы шантажируете его, вытрясая восемь!

– Вы ведь только что сказали – семь, – вмешался Раффлс, голосом человека и стремительно теряющего уверенность в себе.

– А еще вы сказали «шантажировать», – добавил Дэн Леви зловеще. – Не спустить ли вас с лестницы?

– Вы собираетесь спорить с цифрами? – парировал я.

– Не собираюсь. У вас ли его расписки?

– Да, они у меня в руках и моих рук не покинут. Видишь ли, ты просто не знаешь, – добавил я строго, поворачиваясь к Раффлсу, – что этот молодой человек уже выплатил сотню в рассрочку – вот откуда взялись восемь сотен – и все то же самое случится с тобой, если ты заберешься в эту лодку.

Ростовщик уже терпел меня дольше, чем кто-либо из нас мог ожидать, но теперь он отодвинул свое кресло от стола и поднялся – истинный столп угрозы, готовый извергнуть проклятия.

– Это все, что вы желали высказать, явившись сюда? – громыхнул он. – Если это так, наглец, вон отсюда!

– Нет, это не все, – возразил я, разворачивая документ, приложенный к обязательствам о платежах, которые Раффлс получил у Тедди Гарланда; все это мне удалось без излишних доверков вытащить из того самого внутреннего кармана, в котором я пытался опустошить полученный от Раффлса конверт. – Вот, – продолжил я, – письмо, написанное вчера вами к мистеру Гарланду, в котором вы пишете, помимо прочих дерзостей, следующее: «Это последнее предупреждение, больше никакие оправдания я не приму и не потерплю. Вы причинили в десять раз больше неприятностей, чем стоило ваше дело, и я с радостью избавлюсь от вас. Вам следует расплатиться до двенадцати дня завтра, или вы можете быть уверены, что перечисленные выше угрозы будут приведены в исполнение в точности, как это здесь было описано, и что будут предприняты нужные шаги, чтобы эти меры подействовали немедленно. Это ваша последняя возможность и последний раз, как я пишу к вам об этом деле».

– Именно так, – произнес Леви, ругнувшись. – Это дело насквозь прогнило, мистер Раффлс.

– Верно, – поддакнул я. – Могу ли я спросить – вы действительно намерены избавиться от мистера Гарланда, заставив его заплатить всю сумму?

– До полудня, сегодня, – подтвердил Леви, щелкнув своими боксерскими челюстями.

– Всего восемь сотен, за те три, которые парень занял у вас год назад?

– Так точно.

– Несомненно, вы очень суровы к этому мальчишке, – заявил я, достигнув помалу этими вопросами примирительной интонации, за что Раффлс немало хвалил меня впоследствии; но пока что он лишь заметил:

– Должен сказать, это только его вина.

– Ну разумеется, мистер Раффлс, – воскликнул ростовщик, и сам приняв более примирительный тон. – Это были мои деньги; мои три сотни золотых соверенов; и каждый имеет полное право получать доход с того что имеет, верно?

– Несомненно, – подтвердил Раффлс.

– Ну что же, деньги такая же вещь, как и все прочее – если их у вас нет, если вы не можете их выпросить или заработать, вы можете их получить, заплатив за них цену. Я всего лишь продаю свои деньги, вот и все. И я имею право продавать их по хорошей цене, и эту хорошую цену я за них и получу. Быть может, тот, кто платит эту мою цену, и глупец – это зависит от того, насколько ему в этот момент нужны деньги – и это его дело, а не мое. Ваш молодой друг-повеса прекрасно бы себя чувствовал, если бы не обанкротился, но банкрот всего лишь платит больше, вот и все. Это не я подвел под монастырь вашего друга; он сделал это сам, с широко открытыми глазами. Мистеру Гарланду хорошо было известно о том, сколько я требую, и что я не замешкаюсь перед тем, как потребовать свое, и с добавкой, стоит ему дать мне шанс. С чего бы мне мешкать? Он этого не гарантировал? Зачем, как вы думаете, я сижу в этой конторе? В этом суть моего дела, мистер Раффлс, и это вовсе не ограбление, дорогой мой сэр. Если уж рассуждать, то любой деловой человек – грабитель. Но вы видите, что мое дело абсолютно прозрачное, и я веду его согласно обязательствам.

– Действительно, блестящее изложение дела, – веско заметил Раффлс.

– Но к вам это не относится, мистер Раффлс, – ловко ввернул ростовщик. – Мистер Гарланд мне не друг, и к тому же глупец, но я надеюсь, что про вас могу сказать, что вы не похожи на него ни в том, ни в этом.

– Значит, дело сводится к следующему, – сказал я – вы ожидаете, что он заплатит сегодня утром?

– К полудню, и, кстати, уже пробило десять.

– Всю сумму в семь сотен фунтов?

– Фунтов стерлингов, – заметил мистер Леви. – И чеков я не приму.

– Тогда, – сказал я, принимая вид и тон потерпевшего поражение в схватке, – не остается ничего, кроме как последовать моим инструкциям и заплатить вам немедленно!

Я не глядел на Дэна Леви в тот момент, но слышал, как он судорожно втянул воздух, увидев купюры у меня в руках, и почувствовал его злобное дыхание на своем лбу, когда наклонился и начал отсчитывать их по одной над его столом. Прошло немного времени, прежде чем он обратился ко мне с возгласом протеста. В его голосе я слышал нечто напоминающее дрожь. У меня не было необходимости спешить; все выглядело так, как будто я играю с ним в какую-то игру. Почему же я не мог сказать ему, что деньги все это время были у меня? Он невольно ругнулся, задав этот вопрос, ведь я продолжил отсчитывать деньги невзирая на бормотание. Я едва обратил внимание на его гнев.

– Итак, мистер Леви, – заключил я, – могу ли я попросить вас вернуть мне долговое обязательство мистера Гарланда?

– Да, можете, и получите его немедленно! – рявкнул он, и дернул дверцу сейфа так резко, что ключи вывалились из нее. Раффлс вернул их на место с изрядным проворством, пока Леви извлекал расписку.

Злосчастная бумажка оказалась, наконец, у меня в руках. Леви что-то проревел в свою трубу и немедленно появился юноша с нечетким выговором.

– Забирай этого наглеца, – проорал Леви, – и выкинь его на улицу. Можешь Моисея позвать на помощь.

Но этот смертоубийца только стоял в ошеломлении, переводя взгляд с Раффлса на меня, и наконец поинтересовался, которого из наглецов хозяин имеет в виду.

– Вот этого! – возопил ростовщик, потрясая могучим кулаком в мою сторону. – Мистер Раффлс – мой дорогой друг.

– Но, однако, он и эт'му друг, – прошепелявил молодой человек. – Симон Маркш, наш шосед через улитшу пришел и рашсказал мне. Он видел, как они пожимали руки, а до того он видел их на Пикадилли, и пришел чштоб шкажать, што...

Но шепелявому юнцу не было дозволено завершить объяснение; он был схвачен за загривок и вытолкан из комнаты, а его стоячий воротничок полетел вслед. Я слышал еще, как он бормочет что-то, летя вниз по ступенькам, когда Леви запер дверь и повернул ключ в замке. Но я не слышал, как Раффлс проскользнул в хозяйский стул на колесиках за бюро, и не догадывался о том, что он сделал это, пока мы вместе с ростовщиком не обернулись одновременно.

– А ну брысь оттуда! – неистовствовал Леви.

Но Раффлс лишь откинулся назад на пружинной спинке и тихо рассмеялся тому в лицо.

– Да вот уж дудки, – отозвался он. – Если вы в течение одной минуты не отопрете дверь, я буду вынужден вызвать полицию вот по этому вашему телефону.

– Полицию, а? – сказал Леви, вновь обретая мрачный самоконтроль. – Вам стоит оставить это дело мне, вы, пара мошенников!

– Кроме того, – продолжил Раффлс, – вы, разумеется, храните *argumentum ad hominem*⁴ в одном из этих ящиков. А, вот и он, и в моих руках он так же хорош, как и в ваших!

Он открыл верхний ящик в тумбе по правую руку и извлек оттуда здоровенный револьвер с коротким стволом; в несколько мгновений опустошил пять его камер. Отверстия под патроны в барабане револьвера называются «камОры», и, держа за ствол, передал его владельцу.

– Будьте прокляты! – прошипел тот, швырнув оружие на каминную полку с устрашающим стуком. – Да уж, вы заплатите за это, мои прекрасные господа; это вам не рискованное ведение дел, а уголовные штучки, мошенничество!

– Ну бремя доказательства, – заметил Раффлс, – лежит на вас. А тем временем, не будете ли так любезны, чтобы отворить дверь, вместо того чтобы смотреть на нас уныло, как остывшая грязевая припарка?

Лицо ростовщика побелело, в тон его прически, и только черные брови, которые он, очевидно, подкрашивал, выделялись, как два росчерка чернил. Однако сравнение, которое Раффлс использовал, было более живописным, чем сдержанным. Я заметил, что оно заставило мистера Шейлока поразмыслить. К счастью, текущее положение полностью занимало его разум; но, будучи далек от любых уступок, он припер запертую дверь собственной спиной и поклялся не сдвигаться с места.

– О, что ж, чудесно! – продолжил Раффлс, и немедленно приложил к уху динамик телефонного аппарата. – Это станция? Дайте мне девять-два-две тройки Геррерд, пожалуйста.

– Это мошенничество, – повторил Леви. – И вам о том известно.

– Ничего подобного, и ВАМ о том известно, – промурлыкал Раффлс, всем видом выражая занятость человека, говорящего по телефону.

⁴ Самый веский аргумент.

– Вы одолжили ему деньги, – добавил я. – Это ваша профессия. Но не ваше дело, что он после этого сделал с ними.

– Он проклятый аферист, – шипел Леви. – А вы его чертов подручный!

К моему удовлетворению, лицо Раффлса за столом просияло.

– Это Хьюстон, Энструтер и Мартин – они единственные мои поверенные, мистер Леви... Переключите на мистера Мартина, прошу вас... Чарли, это вы? Вы не могли бы взять кэб до Джермин стрит – номер дома я не помню – к Дэну Леви, ростовщику – благодарю, старина! Погодите, Чарли, еще нужен констебль...

Но Дэн Леви уже вставлял ключ, и широко распахивал отпертую дверь.

– Извольте, господа мерзавцы! Но мы еще встретимся, милые мои разряженные бандиты! Раффлс у телефона нахмурился.

– Меня отключили, – сказал он. – Погодите! Очевидно, тут требуют вас, мистер Леви!

И они поменялись местами, не говоря ни слова до того самого момента, когда Раффлс и я оказались на лестнице.

– Погодите, но ваш звонок еще даже не прошел! – проорал, подскочивши с места, ростовщик.

– А мы прошли, мистер Леви! – воскликнул Раффлс. И мы припустили прочь по улице.

Глава V. На пустом месте

Раффлс махнул проезжающему мимо извозчику и затолкал меня в коляску еще до того, как я понял, что он не собирается ехать со мной.

– Заезжай в клуб за снаряжением Тедди, – предложил он, – мы должны доставить его в полной готовности к игре, чтобы сэкономить время. И закажи завтрак на троих через полчаса ровно, а я все расскажу ему еще до того, как ты вернешься.

Его глаза сияли предвкушением, когда я отъезжал, вовсе не испытывая сожаления от того, что пропущу сцену пробуждения молодого человека и встречи его с тем приятным поворотом судьбы, которого тот вовсе не заслуживал. Где-то в глубине души я так и не смог простить юнцу то, за чем мы с Раффлсом застукали его накануне вечером. Раффлс мог приукрашивать дело как ему угодно, но никто не принял бы его снисходительно-дружелюбной точки зрения не из-за моральной стороны вопроса, но из-за нарушенного доверия между друзьями. Мои же чувства по этому поводу, хоть немного и окрашенные ревностью, не могли помешать мне позлорадствовать, вспоминая одержанную только что победу, в которой я принял участие. Я думал об этом недоброй славы вымогателе, который был повержен с помощью нашего беспринципного, но ненаказуемого по закону заговора; мое сердце билось в такт звоночку кэбмена. Я думал о том благе, которое мы в конце концов принесли, и о том несомненном зле, которое превратили в добро с помощью своего рода оправданного надувательства. И я позабыл о юнце, ради которого мы сражались и победили, пока не обнаружил, что заказываю ему завтрак и тащу в кэб его сумку с крикетным снаряжением.

Раффлс поджидал меня в Олбани. Я было приписал его нахмуренный лоб ухудшению погоды, ведь небо уже не так радовало, как с утра, пока не вспомнил, как мало времени у нас осталось.

– Ты его не повстречал? – выпалил он, как только я вышел из кэба.

– Кого, Раффлс?

– Тедди, конечно же!

– Тедди Гарланда? Он что, ушел?

– Еще до моего прибытия, – мрачно сказал Раффлс. – Интересно, куда делся этот дьяволенок!

Он заплатил причитающееся кэбмену и сам забрал сумку. Я последовал за ним в его комнату.

– Но что все это значит, Раффлс?

– Именно это мне хотелось бы знать.

– Быть может, он вышел за газетой?

– Газеты были здесь, еще пока он спал. Я положил их ему на край кровати.

– Пошел побриться?

– Это больше похоже на правду, только его нет вот уже час.

– Но ты и сам немногим дольше отсутствовал, Раффлс, я так понимаю, ты ушел отсюда, пока он еще спал?

– Это-то хуже всего, Банни. Он, наверное, притворялся. Бэркло заметил, как он вышел через десять минут после меня.

– А ты не мог, войдя, разбудить его?

Раффлс покачал головой.

– Я никогда не закрывал дверь осторожнее, чем в этот раз. Но я изрядно пошумел, когда возвращался, Банни, именно чтобы разбудить его, и, клянусь тебе, по мне мурашки побежали, когда я не услышал ни звука из комнаты! Он закрыл за собой все двери, и мне понадобилась

пара секунд, чтобы набраться решимости и распахнуть их. Я решил, произошло что-то ужасное!

– Но сейчас ты так не думаешь?

– Не знаю уж, что теперь и думать, – произнес Раффлс мрачно, – все мои планы проваливаются один за одним. Ты ведь понимаешь, что мы открылись Дэну Леви, помимо прочего, и без сомнения приобрели врага на всю жизнь на соседней улице. Это близко, Банни, и еще какое-то время Леви будет внимательно следить за нами. Но я бы даже наслаждался всем этим, если бы только Тедди не удрал препаскуднейшим манером.

Никогда раньше я не видел Раффлса в таком пессимистическом настроении. Я не разделял его безрадостного взгляда на положение вещей, хотя и ограничил свои замечания до одного, которое могло бы, впрочем, перевесить его унылое настроение.

– Ставлю гинеею против крыжовника, – предложил я, – что ты найдешь своего мальчугана живым и невредимым в клубе команды Лордов.

– Я звонил им десять минут назад, – сказал Раффлс. – Тогда они о нем не слышали, и, кстати, его сумка для крикета здесь.

– Возможно, он был в клубе, когда я ее забирал, о нем я не спрашивал.

– Но я спросил, Банни, я позвонил и в клуб тоже, как раз после того, как ты уехал оттуда.

– Тогда как насчет дома его отца?

– Это наш единственный шанс, – заявил Раффлс. – Там к телефону не подходят, но раз уж ты здесь, я считаю, мне стоит самому съездить и поискать Тедди там. Ты видел, в каком состоянии он был накануне, и ты знаешь, конечно, как содеянное может показаться еще хуже наутро, после пробуждения. Я надеюсь, что он направился прямо к старику Гарланду и выложил ему всю историю; а в этом случае он придет за снаряжением, и... во имя Юпитера, Банни, я слышу шаги на лестнице!

Мы оставили двери позади нас незакрытыми, и шаги определенно доносились из них, поспешно приближаясь к нашему этажу. Однако то не были шаги молодого человека, и Раффлс первым понял это; его лицо вытянулось, едва мы глянули друг на друга, на момент замолчав в беспокойстве. В следующий миг он уже вышел, и я услышал, как он приветствует Гарланда-старшего на подходе.

– Значит, вы не привели Тедди? – услышал я Раффлса.

– Вы хотите сказать, что здесь его нет? – прозвучал в ответ довольно приятный голос, полный такого смятения, что мистер Гарланд завоевал мою симпатию, еще даже не показавшись.

– Он был здесь, – заметил Раффлс, – и я ожидаю, что он с минуты на минуты вернется. Не хотите ли зайти и подождать, мистер Гарланд?

Приятный голос издал возглас преждевременного облегчения; его обладатель и хозяин квартиры вошли, и я был представлен человеку, от которого меньше всего ожидал бы, что он окажется пивоваром на покое, и уж более того – спускающим на пенсии свой капитал, как то предполагал его сын. Я ожидал увидеть типичное проявление бесшабашного преуспевания, в псевдо-военном стиле, в костюме ненатурально яркого пурпура и рубашке невероятно тонкого льна. Вместо этого я пожимал руку мягкому пожилому человеку, чьи добрые глаза меж заботливых морщинок излучали бодрость и чье слегка робкое, но совершенно сердечное обращение немедленно и абсолютно покорило мое сердце.

– Смотрю, вы не теряете время на приветствия для гостя! – заметил он. – Вы почти так же испорчены, как мой парень, он из кожи вон лез, чтобы увидеть Раффлса вчера вечером или сегодня пораньше с утра. Он сказал мне, что при необходимости останется в городе, и, видимо, как раз остался.

В его обхождении все же чувствовалась какая-то нервозность, но была и искорка в глазах, которая загорелась ярче, как только Раффлс дал совершенно правдивый отчет о перемещениях молодого человека (но, конечно, не о его словах и поступках) накануне.

– А что вы думаете о потрясающих новостях насчет него? – спросил мистер Гарланд. – Вы были удивлены, Раффлс?

Раффлс тряхнул головой с довольно усталой улыбкой, а я занял свой стул. Что же это были за новости?

– Мой сын только что был помолвлен, – пояснил в мою сторону мистер Гарланд. – И, кстати, именно его помолвка привела меня сюда; вы, господа, только не подумайте, будто я устроил слежку за своим сыном; однако мисс Белсайз только что прислала телеграмму и передала, что собирается ехать на матч с нами, вместо того, чтобы встретиться у Лордов – я подумал, что она будет очень разочарована, не увидев Тедди, особенно сейчас, когда они так редко видятся.

Я же пока что гадал, почему не услышал ничего об этой мисс Белсайз или об их помолвке от Раффлса. Он-то наверняка выведал все об этом в спальне, пока я глазел в окно на звездное небо. Однако он ничего не рассказал мне об этом до утра, несмотря на то, что это обстоятельство хотя бы отчасти могло прояснить поведение юнца. Но даже сейчас ни словом, ни взглядом, ни жестом Раффлс никак не объяснился. Однако его лицо неожиданно просветлело.

– Могу ли я спросить, – воскликнул он, – была ли телеграмма адресована вам или Тедди?

– Она была для Тедди, но, конечно, в его отсутствие я прочитал ее.

– А, судя по тексту, могла ли она быть ответом на какое-то его предложение или приглашение?

– Вполне. Они вместе обедали вчера, и Камилла, возможно, советовалась насчет сегодняшней встречи с леди Лаурой.

– Так вот в чем дело! – воскликнул Раффлс. – Тедди был на пути домой, пока вы направлялись в город! Как вы приехали?

– В своей коляске.

– Через парк?

– Да.

– А он взял извозчика через Найтсбридж или Кенсингтон! Вот так вы и разминувшись, – уверенно заявил Раффлс. – Если поедете назад, сможете перехватить его и отвезти к Лордам.

Мистер Гарланд попросил нас обоих сопроводить его; мы решили, что вполне можем это сделать, выразили согласие и собрались не более чем за минуту. Но уже пробило одиннадцать, когда мы прокатили через Кенсингтон к дому, который я раньше не видел, тому дому, что вскоре был смыт волной строительного ажиотажа, хотя и сейчас я вижу его до последней черепицы и камня так же четко, как летним утром десять лет назад. Он стоял недалеко от проезжей мостовой, на отделявшем его от городской жизни участке; тот простирался вширь от одной поперечной улицы до другой и вглубь – так далеко, как только охватывал взгляд. Живенькая лужайка, высокие деревья, стеклянные теплицы для винограда, поражали сильнее и производили более приятное впечатление, чем сам многооконный, украшенный башенками фасад дома. Но все же двойной поток омнибусов с беспрестанным грохотом струился всего в нескольких ярдах от ступеней, на которых мы трое стояли в некотором ошеломлении.

Мистера Эдварда в доме не видели и о нем не слышали. Впрочем, не прибывала и миссис Белсайз, это было единственное, что нас утешало.

– Проходите в библиотеку, – попросил мистер Гарланд, и едва мы оказались посреди его чудесно переплетенных и расставленных по застекленным шкафам книг, он повернулся к Раффлсу и резко произнес: – Вы определенно чего-то недоговариваете, и я настаиваю на том, чтобы узнать, что это.

– Но вы знаете все, что знаю я, – запротестовал Раффлс. – Я ушел, оставив Тедди спящим, и вернулся, когда его и след простыл.

– В каком часу это было?

– Я ушел где-то между девятью и половиной десятого. И отсутствовал примерно час.

– Почему вы не разбудили его с утра?

– Я хотел, чтобы он выспался как можно лучше. Мы вечером порядочно засиделись.

– Но по какой причине, Раффлс? О чем вам понадобилось болтать полночи, учитывая, что вы устали с дороги, а Тедди обязан был проснуться с утра как можно более бодрым? Ну в конце концов, он ведь не первый юнец, который неожиданно оказался помолвлен с красавицей; разве это его беспокоило, Раффлс?

– Насчет будущего брака, насколько я знаю, он не волновался.

– Так у него были неприятности?

– Именно, мистер Гарланд, – ответил Раффлс. – Но даю вам слово, что они ему больше не грозят.

Мистер Гарланд оперся на спинку стула.

– Дело в деньгах, Раффлс? Конечно, если мой мальчик доверился вам, то я всего лишь отец, и не имею права...

– Неправда, сэр, – мягко заметил Раффлс, – ведь это именно у меня нет никакого права выдавать его. Но если вы, мистер Гарланд, не возражаете оставить все как есть, возможно, не будет вреда, если я расскажу, что действительно существовало некое временное недоразумение, по поводу которого Тедди не терпелось увидеть меня.

– И вы помогли ему? – воскликнул бедняга, очевидно раздираемый благодарностью и унижением.

– Не за счет своих средств, – ответил Раффлс с улыбкой. – Вопрос был не настолько серьезный, как казалось Тедди; необходимо было только поправить дело.

– Благослови вас Бог, Раффлс! – пробормотал мистер Гарланд, у которого, очевидно, перехватило горло. – Я не стану расспрашивать о подробностях. Мой бедный мальчик обратился к нужному человеку, ему было виднее, почему не стоило идти ко мне. Сын весь в отца! – пробормотал он себе под нос, после чего рухнул на стул, на который до того опирался, и склонил голову на сложенные вместе ладони.

Кажется, он и забыл о нежелательном следствии исчезновения Тедди из-за унизительности его непосредственной причины. Раффлс достал свои часы и указал мне на циферблат. С нашего прибытия прошло уже полчаса; но тут с посланием вошел слуга, и хозяин дома взял себя в руки.

– Должно быть, это от Тедди! – воскликнул он, едва надев очки дрожащими руками. – Нет... Это для него, прибыло с особым курьером. Лучше мне открыть. Не думаю, что это опять от мисс Белсайз.

– Мисс Белсайз сейчас в гостиной, сэр, – уточнил слуга. – Говорила, что не станет лучше вас пока беспокоить.

– О, передайте ей, что мы тут не задержимся, – сказал мистер Гарланд с новой волной нервного волнения. – Вот, послушайте, послушайте, – продолжил он, еще до того, как дверь закрылась: «Что случилось? Скоро жеребьевка. Уипхэм будет играть, если ты не появишься вовремя. Дж. С.»

– Джек Стадли, – заметил Раффлс, – капитан команды Кембриджа.

– Да знаю, знаю я! А Уипхэм у них в запасных, верно?

– Он вратарь на калитке, увы нам! – воскликнул Раффлс. – Если он выйдет на поле и хоть дотронется до мяча, а Тедди к этому времени не успеет, Тедди уже не сможет играть сегодня.

– Значит, все уже пропало – сказал мистер Гарланд и со вздохом откинулся на спинку стула.

– Да уж, эта записка от Стадли, должно быть, добиралась сюда с полчаса.

– Нет, Раффлс, это не просто записка, ее телефонировали из штаба Лордов в курьерскую службу, а та всего в нескольких ярдах от наших дверей!

Мистер Гарланд уныло устался на ковер. Его щеки опали от постоянной неопределенности и напряжения. Даже сам Раффлс, который повернулся к нам спиной, пожав плечами в выражении смирения с неизбежным, стоял живым монументом замешательству, уперев взгляд в оранжерею возле дома. Вообще, окна в библиотеке не было, но наружу вела дверь с единственной застекленной рамой – и силуэт Раффлса во весь рост представал мне в окружении пальм и папоротников. Я увидел, как этот силуэт вытягивается и выпрямляется, дверь открылась, и Раффлс, встревоженно вздернув голову, прислушался. Я тоже услышал какой-то негромкий звук, несколько шлепков, и Раффлс со смешком присоединился к компании в комнате.

– Там дождь! – воскликнул он, помахивая ладонью над головой. – У вас есть барометр, мистер Гарланд?

– Там, анероид, под настенной лампой.

– И часто вы проверяете его показания?

– В последний раз – вчера ночью. Стрелка была между «Ясно» и «Пасмурно» перед тем, как я заснул. Это меня встревожило.

– Это же заставит вас сегодня благодарить Небеса. С утра, как видите, что-то между «Пасмурно» и «Дождь». И, раз уж начался дождь, знайте – для нас там, где дождь, там и надежда!

В одно мгновение Раффлс вернул себе свои непотопляемые уверенность и напор. Но отставной пивовар не был способен на такие скорые перемены.

– Что-то точно случилось с моим мальчиком!

– Но необязательно что-то ужасное.

– Если бы я знал, что это, Раффлс – если бы я знал!

Раффлс искоса озабоченно наблюдал за бледным, дергающимся лицом старика. На себя он напустил выражение уверенности, которое всегда придавало уверенности и мне; грохот по крыше оранжереи усиливался с каждой минутой.

– Я намерен все выяснить, – сказал он, – а если дождь будет идти достаточно долго, мы еще увидим, как Тедди играет, когда он закончится. Но мне понадобится ваша помощь, сэр.

– Я готов отправиться с вами куда угодно, Раффлс.

– Вы сможете помочь мне, мистер Гарланд, только если останетесь там, где вы находитесь.

– Где нахожусь?

– Именно, будьте в доме весь день, – твердо заявил Раффлс. – Для моего плана это крайне важно.

– В чем он состоит, Раффлс?

– Для начала, в спасении репутации Тедди. Отсюда я отправлюсь прямо к Лордам, в вашей коляске, если позволите. Я отлично знаю Стадли, и мы удержим позицию Тедди открытой до последнего момента.

– Но чем ты оправдаешь его отсутствие? – спросил я.

– Оправдаю, будь покоен, – мрачно заявил Раффлс. – Я укреплю его репутацию у Лордов на веки вечные.

– Но для этого ведь нужен только кто-то в клубе...

– Напротив, Банни, этот дом для этой цели значит даже больше, пока мисс Белсайз находится здесь. Ты не учишься, что они помолвлены, и она сидит в соседней комнате.

– Боже правый! – прошептал мистер Гарланд. – Я о ней и забыл.

– Она – последняя, кто должен узнать обо всем, – заявил Раффлс с неуместным, на мой взгляд, напором. – И только вы можете удержать ее от этого, сэр.

– Я?

– Мисс Белсайз не должна попасть к Лордам сегодня утром. Она только испортит платье в дождь, а вы можете ей от меня передать, что матча не будет еще час после того, как он кончится, даже если это случится сию минуту, хоть это и сомнительно. Убедите ее, что Тедди прячется под крышей со всей командой, но она не должна являться, пока не будет вестей от меня; а лучший способ удержать ее здесь для вас – остаться с ней.

– И когда же ожидаются новости? – спросил мистер Гарланд, едва Раффлс протянул руку для рукопожатия.

– Посмотрим. Я доберусь до Лордов меньше, чем за двадцать минут; еще минут пятьдесят уйдет на обработку Стадли; а после этого я баррикадируюсь у телефона и обзваниваю каждую больницу в городе! Конечно, могло случиться какое-то несчастье, но я в этом сомневаюсь. Вы от меня не получите никаких сообщений, если это не так; чем меньше курьеры будут снова туда-сюда, тем лучше, если вы согласны со мной в том, что все это необходимо сохранить в тайне.

– О, я согласен, Раффлс, но задача, которую вы поставили, будет ужасно тяжела для меня!

– Несомненно, мистер Гарланд. Хотя, как говорят, отсутствие новостей – уже хорошие новости, и первый, к кому я побегу, получив какие-то новости, будете вы.

На этом они обменялись рукопожатием, притом наш хозяин всем своим видом выражал недовольство, которое сменилось смятением, как только он увидел, что и я ухожу.

– Что?! – воскликнул он. – Так мне придется остаться тут и дурачить бедную девушку, скрывая собственное волнение, совсем одному?

– Тебе совершенно ни к чему идти, Банни, – заявил Раффлс мне. – Из этих двух задач со своей я точно справлюсь один.

Наш хозяин не проронил больше ни слова, однако так тоскливо уставился на меня, что у меня не осталось выбора, кроме как предложить ему свою поддержку, если он того желает; и, когда в отдалении за ним и невестой его сына закрылась дверь гостиной, я взял со стойки зонт, чтобы проводить Раффлса до коляски под так удачно начавшимся дождем.

– Прости, Банни, – успел пробормотать он, едва мы отошли от дворцового на крыльце, но не приблизились к кучеру. – Вся эта кутерьма ни тебе, ни мне не по душе, но так нам и надо за то, что отклонились от прямой преступной дорожки. Нужно было просто найти эти семь сотен в каком-нибудь сейфе.

– Но как ты думаешь, что стоит за этим странным исчезновением?

– Боюсь, та или иная разновидность сумасбродства; если парень все еще на этом свете, мне следует найти его, пока эти безумства его не dokonают.

– А что насчет этой помолвки? – нажимал я. – Ты ее не одобряешь?

– С чего бы это? – резко спросил Раффлс, выпрыгнув из-под моего зонтика, чтобы забраться в коляску.

– Ты ведь так и не сказал мне, когда он тебе о ней рассказал, – ответил я. – Неужели эта девушка его недостойна?

Раффлс одарил меня загадочным взглядом ясных синих глаз.

– Тебе лучше самому составить мнение, – произнес он. – Скажи кучеру, чтобы гнал к Лордам, и молись, чтобы дождь шел подольше!

Глава VI. Камилла Белсайз

Сложно придумать лучшее убежище в дождливый день, чем то, что Раффлс описывал как «деревенский дом в черте Лондона». Добротный обставленный квадратный зал предоставлял разного рода удобства, примерно как в клубе, всяческие журналы и сигареты и камин на случай промозглой погоды. Все прочие комнаты выходили дверями сюда, и библиотека не одна вела в оранжерею, туда же выходила небольшая гостиная, из которой я слышал голоса, когда прикуривал сигарету рядом с папоротниками и пальмами. Меня поражало то, что бедный мистер Гарланд находил непростой задачей умиротворение той леди, которую Раффлс посчитал недостойной упоминания накануне. Но я и сам не спешил приняться за это скользкое дело. Для меня оно скрывало объяснение ситуации, а для него одни мучения; я не мог отделаться от чувства, что даже сейчас я уже порядочно запутался в делах этого семейства. Их фамилия всего несколько часов назад значила для меня чуть более, чем просто незнакомое слово. Еще вчера я мог бы замешкаться перед кивком Тедди Гарланду в клубе, ведь встречались мы довольно редко. И вот я уже здесь, помогаю Раффлсу огородить отца от новостей о неприятностях, грозящих сыну, и почти начал помогать этому отцу оберегать от следа неприятных новостей его предполагаемую будущую невестку. Притом самое худшее в этой истории все еще оставалось скрытым, в том числе от Раффлса и от меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.